

Близнецы

Наталья Никольская

Любой ценой

«Научная книга»

Никольская Н.

Любой ценой / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Близнецы)

Детектив Натальи Никольской из серии «Близнецы»

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Никольская

Любой ценой

Пролог

- Я люблю тебя, милый... Я люблю тебя больше всех на свете. Ты у меня лучше всех.
- Я тоже люблю тебя, солнышко.
- Мы же будем вместе, да? Да? Ну, скажи, что да!
- Конечно, дорогая. Только нужно совсем немного подождать.
- Ты не бросишь меня?
- Ну что ты, родная! Мы же с тобой навсегда связаны...
- Ты точно не откажешься от меня?
- Господи, ну о чем ты говоришь, солнышко! Конечно, нет! Мы же все решили. Мы взрослые люди и вполне можем сами решать свою судьбу.
- Ох, я боюсь! Я боюсь, мне страшно! Обними меня скорее!
- Не бойся, милая! Я же с тобой. Я никогда тебя не покину, если ты сама не захочешь.
- Я? Да ты что! Я не представляю себе жизни без тебя. Ради тебя я готова на все.
- Ты только сама не сломайся, не отступи. Ждать осталось совсем немного.
- Я знаю, я знаю, но кто бы знал, как мне тяжело! Тяжело пережить это время! Если бы ты только знал, как мне плохо!
- Я знаю. Подожди еще немного, и все уладится. Наберись терпения, крошка.
- Все ведь будет хорошо, да? Скажи мне, что все будет хорошо, успокой меня.
- Все будет хорошо. Обещаю. Ты убедишься, что я настоящий мужчина.
- Я никогда в этом и не сомневалась.
- Скоро мы с тобой будем самыми счастливыми!
- Господи, неужели действительно скоро закончится весь этот кошмар?
- Конечно. И чтобы тебе не было так плохо, знай, что я думаю о тебе каждую минуту. И делаю это ради тебя. Ради нашего общего счастья.
- Скорее бы мы были вместе!
- Мы и так вместе. Хотя бы мысленно.
- Мне этого мало. Я хочу всегда быть с тобой!
- Милая, я хочу того же самого, ты же знаешь. Потому и повторяю, что надо просто еще немного подождать.
- Хорошо. Я буду сильной. Я все вынесу. Если я буду знать, что ты со мной, я вынесу все, что угодно.
- Я с тобой.
- Поцелуй меня. Еще. Еще! И обними покрепче, прижми меня к себе! Вот так! Еще! О, как хорошо! Не отпускай меня, держи крепче...
- Я никуда тебя не отпущу.
- Молчи, ничего не говори больше, только целуй меня, ласкай меня, возьми меня, я вся твоя...

Глава первая

Ольга

– Да когда ж ты наконец слезешь с моей шеи, паразит чертов! Опять нажрался, как собака, да еще за деньгами прется!

Этот злобный крик, донесшийся до меня из распахнутого окна, застал меня как раз за очень важным занятием – я думала о вечном. Я мечтала о том, как стану известной, знаменитой, как сделаю много полезного, что останется в веках, как мое имя будет известно потомкам, как будут открыты музеи, посвященные моему творчеству – какому, правда, я еще пока не выбрала – как моя сестра Полина будет водить туда знакомых... Стоп! А почему это Полина должна кого-то водить по моим музеям? Она что, проживет дольше меня, что ли? Нет, я, конечно, не желаю смерти родной сестре, хотя она и старше меня, пусть на десять минут, но старше. Как-то несправедливо даже получается...

Мы с Полиной близнецы. Внешне – точная копия друг друга. Но по складу характера мы очень даже отличаемся. Полина очень резкая, она все время кричит, ругается, говорит, что я все делаю не так... Зануда, одним словом. А я очень мягкая, расслабленная, мне нужно внимание, любовь, забота, а не чтобы на меня рывкали. И тем не менее все вокруг почему-то хвалят именно Полину.

Ах, посмотрите, какая она молодец! Ах, посмотрите, как у нее все получается! Одна, без мужа, в спорткомплексе работает, деньги зарабатывает, машину водит, дома всегда чистота...

Правильно! У нее же нет двоих детей, как у меня! А бывший мой муж, между прочим, не так уж нам и помогает. Правда, помогает моя бабушка, Евгения Михайловна. Вот уж кому спасибо большое. Если бы не она, даже не знаю, где бы сейчас были мои дети в то время, когда я мечтаю о вечном и строю грандиозные планы.

Нет, Полина, она, конечно, хорошая, что и говорить. И мне всегда тоже помогает. Только грубоватая, нельзя так все-таки. Ну, владеешь ты своими восточными единоборствами – так и владей на здоровье. Для чего их на люди-то выставять?

А Полина словно нарочно любит подчеркивать собственные достоинства. Никогда не преминет попрекнуть меня тем, что я, например, безалаберная. А я вовсе не безалаберная, просто у меня творческая натура. И мне так удобно. Ну, валяется у меня на полу цветочный горшок, третий день уже валяется – ну и что? Кому он мешает? Мне? Абсолютно! А если Полине мешает, могла бы и убрать.

Но тут я вспомнила, сколько раз и так Полина убиралась в моей квартире, и решила оставить эту тему. Мало ли у кого какие недостатки. Все-таки у меня замечательная сестра. И я ей обязательно докажу, что и я не хуже.

И вот стоило мне только размечтаться о том, как я стану очень полезной для общества, как и раздался этот резкий крик из окна. Не выдержав любопытства, я подскочила к подоконнику, оперлась о него руками и выглянула во двор.

Так и есть. Ругались Лариска и Игорь из соседнего дома. Вернее, это Лариска жила в соседнем доме у своего дяди, а Игорь вообще непонятно где жил. Эта скандальная парочка на всех производила изумляющее впечатление. Никто не мог понять, что связывает красивую, представительную, умную и самостоятельную Лариску с этим забулдыгой. А связь эта длилась уже больше года и всегда сопровождалась ссорами, скандалами и, по-моему, взаимной ненавистью.

Игорь внешне был, конечно, парень ничего – высокий, стройный, светловолосый, но в то же время ужасно неухоженный и неопрятный. К тому же он нигде не работал и очень любил выпить. На этой почве он давно сдружился с Дрюней Мурашовым, нашим с Полиной другом

детства. Но если Дрюня, несмотря на все свои недостатки обладал массой достоинств – он был хотя бы талантливой личностью – то у Игоря не было и этого.

Кроме того, Игорь частенько поколачивал Лариску непонятно за что, а Дрюня, несмотря на то что Елена была его законной женой, пальцем ее не трогал.

В общем, Дрюня мне был гораздо более симпатичен. К тому же сколько нам выпало совместных приключений, сколько раз мы впутывались во всевозможные истории – по Дрюниной милости, естественно, – с каким трудом из них выпутывались – по моей, разумеется, а если уж быть до конца честной, то по Полининой.

Ну, не совсем по Полининой. Очень часто бывало так, что нам помогал бывший муж Полины Жора Овсянников. Жора работал старшим следователем УВД Тарасова, следовательно, обладал определенными полномочиями. А в нашей с Полиной жизни так уж сложилось, что мы частенько стали попадать в разные криминальные истории. Выпутавшись из них несколько раз, мы вдруг с удивлением открыли в себе талант частного детектива. Правда, лицензией таковой мы так и не обзавелись, да и профессии свои менять не стали, но все-таки жизнь нет-нет, да и подкидывала нам или нашим близким новую загадку, не разгадать которую мы уже были не в силах.

Полина работала в своем спорткомплексе, а я, психолог, кандидат наук, по совету сестры бросила к чертовой матери свой НИИ и стала принимать клиентов на дому. Кроме того, кое-что могла перепечатать на старой-престарой «двойке», ровеснице, наверное, самого Мафусаила, но тем не менее вполне способной выполнять роль пишущей машинки.

Так что мне было чем зарабатывать на жизнь, и не так уж плохо порой шли мои дела, как говорила Полина, которой лишь бы только покритиковать сестру.

Правда, в последнее время моя «двойка» давненько пылилась, но это же не моя вина, что клиентов нет. И в психологических услугах что-то давно никто не нуждается. Эх, тоска смертная!

Именно от тоски я и спустилась во двор чтобы посмотреть поближе, что там происходит. Во дворе, громко крича, стояла Лариска Шаповалова и намахивалась кулаками на Игоря, который и так еле стоял на ногах. Вокруг уже собралась толпа зрителей.

Странно, вообще-то такие резкие проявления эмоций были не очень характерны для Лариски. Все-таки она была девчонкой спокойной и рассудительной. Видимо, этот Игорь здорово достал ее в последнее время.

– Так его, Лорочка, так! – науськивали старушки. – И так ни черта не делает, всю дорогу пьяный валяется, еще совести хватает у тебя денег брать! Пусть и не ходит сюда больше!

– Лора, в последний раз! – еле ворочая языком, проговорил Игорь. – Да мне и нужно-то всего только на бутылку «Анапы»!

– У тебя же вчера были деньги! – задыхаясь от гнева, проговорила Лариска. – Вы же отмечали там что-то не просто так, а с коньяком!

– Ну, ты же знаешь – сколько бы денег ни было, все равно все заканчивается «Анапой»!

– Вот уж верно, – усмехнулась Лариска. – Короче, друг, мне с тобой разговаривать больше некогда, так что давай проваливай отсюда. Никаких денег ты не получишь, и не смей сюда больше таскаться.

Лариска повернулась, чтобы уйти под одобрительное жужжание старушек, но тут Игорь вдруг попытался схватить ее за руку, в которой была сумочка, и резко дернул. Лорка взвизгнула и рванула сумку к себе. Бабки заохали и начали звать милицию.

Как по мановению волшебной палочки из-за угла вывернули двое ППС-ников. Что они тут делали, не знаю, но подозреваю, что просто шли к пивному ларьку, находящемуся за углом, а вовсе не для того, чтобы наводить порядок на территории своего участка. Однако Игорь, моментально среагировав, отскочил от Лариски и бросился бежать к ближайшему садику. Сумка осталась у Лариски в руке.

– Сержант Николаевцев, что случилось? – лениво поинтересовался один из стражей порядка.

– Да ничего, – потирая раскрасневшуюся руку, с досадой ответила Лариска. – Все уже закончилось, спасибо большое.

ППС-ники уже хотели продолжить свой путь, но тут им дорогу перегородили старушки.

– Да что ж это такое делается? – заговорили они. – Ведь совсем парень девке жизни не дает! Бьет ее. И пьет. Пьет и пьет. Вы бы его посадили, что ли, чтоб он ей нервы не портил.

– Для этого нужно заявление потерпевшей о том, что он ее избивает, – заметил второй милиционер. – Вы согласны, гражданочка, представить заявление такого рода?

– Нет, – мрачно ответила Лариска.

– Вот видите, значит, это частная жизнь, которая никого не касается, – довольно ответил сержант Николаевцев, которому не терпелось добраться до ларька, и вовсе не хотелось разбираться в амурных делах данной парочки.

Они оба, козырнув, торжественно удалились, и внимание старушек сразу же переключилось на отвратительную работу милиции в последнее время.

– Ведь ничего делать не хотят, ироды проклятые, – говорила одна. – По улицам бандиты ходят – а им хоть бы хны! Сейчас вон развернулись да пошли! Это же произвол! Вон в наше время бывало – хоть в три ночи по улице иди – никто к тебе не пристанет!

– Да ты и сейчас попробуй пройди – кто к тебе пристанет, баб Клав? – слышался вдруг знакомый мне веселый голос со скабрёзными нотками. – Я бы, например, сроду не пристал. Ну, только, конечно, если бы мне заплатили... Очень крупно! – подумав, добавил говоривший.

Все обернулись и увидели довольную рожу Дрюни Мурашова, который неизвестно откуда взялся и теперь стоял, сияя всеми своими белыми зубами.

Старухи, моментально забыв о произволе милиции, целиком перекинулись на Дрюню. Больше всех старалась оскорбленная в лучших чувствах баба Клава.

– А ты, поганец этакий, чего тут шляешься? И тебя с Игорешкой этим посадить вместе нужно, паразита! Житья от вас, тунеядцев, нет!

– Напраслину возводишь, – серьезно сказал Дрюня. – Я, между прочим, работаю. А вот бог, увидев, как ты грешишь на честного человека, тебя покарает. Вот увидишь!

– Это как? – не поверила баба Клава.

– А вот так. Возьмет и пригвоздит тебя к лавочке этой так, что ты с нее подняться не сможешь!

Старуха недоверчиво глянула на Дрюню. Лицо его было серьезно и непроницаемо.

– Вот попробуй поднимись, – предложил он.

Старуха осторожно попробовала привстать, но на полпути замерла.

– Ой! – сказала она испуганно, округляя глаза.

Признаться, мне стало не по себе. Я даже подошла поближе, чтобы помочь.

– Ну? – торжествующе спросил Дрюня. – Не получается? Вот они, кары небесные!

Баба Клава, закрихтев, осторожно потянулась вверх.

Ничего не получалось. Набожная старушка беспомощно уставилась на Дрюню.

– Ладно, баб Клав, – смиростивился тот. – Помогу я тебе, так и быть. Но ты взамен слово дай, что не будешь про людей сплетни распускать!

– Не буду, не буду! – закивала старушка. – Только ты уж помоги, Андрюшенька.

– С тебя – поллитра, – сказал Дрюня и добавил: – Вперед!

– Хорошо, хорошо, – баба Клава была готова на все. – Только как же вперед-то? Я же подняться не могу!

– А ты мне ключики дай, я быстренько стоняю. Вон Лелька со мной сходит, если ты мне не доверяешь! – кивнул он в мою сторону.

– Нет, уж я лучше тут постою, – отказалась я.

Зная Дрюню много лет, в его ипостась целителя я что-то не очень верила.

Но у бабы Клавы, видимо, уже сложилось другое мнение насчет этого оболтуса, потому что она безропотно протянула ему ключи.

– Андрюшенька, в шкафу, на нижней полке, за узлом с теплыми вещами, – сообщила она, когда Дрюни уже и след простыл.

Мы все остались во дворе, ожидая, когда произойдет великое чудо. Дрюня вернулся на удивление скоро, неся в руках запечатанную бутылку водки.

– Ну вот, баб Клав, сейчас мы тебя от лавки отделять будем, – произнес Дрюня, торжественно вручая мне бутылку и добавляя:

– Смотри не разбей!

– А теперь, баба Клава, – обратился он к отчаявшейся уже старушке, – громко говори на весь двор: «Да пусть отсохнет язык мой грешный, коли посмею я на святого человека поклеп возвести!»

Старуха послушно забормотала Дрюнин бред.

– ... «А избавителю моему Андрею Мурашову обязуюсь каждую неделю ставить пол-литра водки». Можно самогона, – уступил Дрюня, хитро поблескивая черными глазами.

Старуха повторила и это.

– А теперь напружинься посильнее и хватайся за меня, – скомандовал Дрюня.

– Ты осторожнее давай, Кузьминична, – испуганно посоветовала одна старушка, а то еще оторвешь чего из важных органов!

– Чего там можно оторвать! – пренебрежительно махнул рукой Дрюня. – Тут никаких важных органов нет!

Баба Клава зажмурилась, изо всех сил вцепилась в Дрюню, и тот рванул ее вверх. Раздался оглушительный треск, бабка подлетела над лавочкой и опустилась рядом с ней на асфальт. С лавки остался свисать какой-то цветной лоскут.

Одна из старушек осторожно, как святыню, взяла его в руки.

– Клав, – удивленно проговорила она, – да это ж от платья твоего лоскут! За гвоздь зацепился!

– Правильно! – довольно подтвердил Дрюня. – Это я его прицепил, пока она тут на честных людей разорялась!

Баба Клава сидела на земле, широко выпучив глаза и открыв рот. До нее медленно доходило произошедшее...

– Ах, ты, паразит... – зловещим басом вдруг проговорила она, грузно пытаясь подняться, – да я тебе такую кару небесную придумаю – рад не будешь!

Дрюня, не став дожидаться, когда на него обрушатся кары небесные, вызванные бабой Клавой, схватил меня за руку и дернул к моему подъезду. Лариска Шаповалова, оказавшаяся как бы на нашей стороне, не нашла ничего лучшего, как кинуться за нами.

Мы влетели на мой этаж, подгоняемые проклятиями бабы Клавы и помирающего со смеху двора, и я, оказавшись в своей квартире, быстренько заперла дверь.

Затем осторожно подошла к распахнутому окну и закрыла его на все шпингалеты. Вернее, на один верхний, поскольку все остальные не работали.

– Фу-у-ух ты... – с облегчением протянула я, когда мы остались втроем.

Потом мы перевели взгляд с друга на друга и расхохотались. Лариска аж пополам согнулась.

– Да, Андрюшенька, – просмеявшись, проговорила она. – Думаю, что во дворе тебе пока лучше не появляться.

– Да ладно! – беспечно махнул рукою Дрюня. – Первый раз, что ли! Она завтра уже забудет все. Давайте лучше выпьем!

Чего не отнять у Дрюни, так это умения добывать халявную выпивку и закуску. Дрюня, надо сказать, отродясь нигде не работал, но тем не менее умудрялся вполне прилично существовать. У него был свой частный дом – доставшийся от бабушки, автомобиль – доставшийся от отца, а также жена и дочь – это уже собственные приобретения.

Домик был, правда, старенький, но все же свой, а автомобиль Дрюня умудрялся менять уже столько раз в жизни... Делал он это очень просто. Когда ему нужен был новый, он приходил к отцу и долго ныл, что на такой развалюхе не может работать и, следовательно, обеспечивать семью. И просил у папы его машину, находящуюся у аккуратного Геннадия Николаевича в гораздо лучшем состоянии. Геннадий Николаевич, покряхтев, соглашался и давал Дрюне свой автомобиль. «На время», – как всегда четко подчеркивал Дрюня. Затем Дрюня уже не в состоянии был расстаться с новоприобретенной машиной и шел к папе уже с предложением выкупить у сына свой же автомобиль. И если на авторынке Геннадий Николаевич мог получить за свою машину довольно приличные деньги, то Дрюня по-свойски предлагал ему сумму чисто символическую. И отец соглашался – чего не сделаешь ради любимого сына?

Потом, конечно, Геннадий Николаевич подрабатывал и покупал себе новый автомобиль, но и тот рано или поздно уходил в руки непутевого сыночка.

И все Дрюню любили и обожали – такой уж он был обаятельный. Хотя сколько всем крови испортил, собака, и мне в том числе!

– Давайте лучше выпьем! – повторил свое любимое предложение Дрюня.

Все были согласны, даже Лариска, которой очень хотелось расслабиться после скандала с Игорем. Но вот беда – несмотря на халявную выпивку, с закуской вышла заминка. По той причине, что мои дети Артур и Лиза находились сейчас в гостях у бабушки Евгении Михайловны, я не считала нужным забивать холодильник продуктами. Зачем? Много ли мне самой надо? Я могу и на пирожках покупных протянуть. Но сейчас, как на грех, в доме не было даже пирожков.

– Я из дома не пойду! – заявил Дрюня.

– Боишься? – злорадно спросила я.

– Ни фиги я не боюсь! – расправил плечи Дрюня. – Просто что же это такое получается? С меня и выпивка, и закуска? Несправедливо как-то.

– Какая же ты меркантильная личность, Мурашов! – с досадой сказала я.

– Я бы сходила, но мне ведь через двор нужно идти, – оправдываясь, проговорила Лариска, жившая в доме напротив.

– К тому же дядя уверен, что я в институт пошла, а он всегда ругается, когда я пропускаю занятия.

– Ну все понятно, – горестно вздохнула я. – Выпили, называется!

Нет, вы не подумайте, я не алкоголичка какая-нибудь. Просто настроение было подходящим, да и компания подобралась. Почему бы и не выпить?

И тут я вспомнила! Я вспомнила, что Полина – вот радость-то моя, сестреночка! – как-то привезла мне собственноручно приготовленное на зиму лечо, и это было совсем недавно. Я помню, что Полина, кажется, поставила его в кладовку, и я к нему еще не притрагивалась.

Быстро открыв кладовку, я обнаружила там среди пустых пыльных банок две, наполненных лечо, и с торжествующим криком втащила их в кухню.

– Вот! – важно заявила я, демонстрируя, что и от меня есть польза. Более чем достаточная. Не стоит забывать, что вся церемония проходит в моей квартире.

Поэтому я с важным видом уселась на табуретку, говоря своим видом, что собственную миссию считаю исчерпанной.

Лариска растерянно огляделась, ломая голову, что же она сама-то может представить к праздничному – условно – столу, потом хлопнула себя по лбу и полезла в свою сумочку.

Оттуда Лариска извлекла поллитровую пластиковую бутылочку фанты.

– Вот! – радостно провозгласила она. – Всегда с собой беру на лекции. Конец лета в этом году просто убивает своей жарой.

Тут мы все вынуждены были согласиться, а Дрюня сказал, что он потому, оказывается, и пьет, что по другому этой адской жары выносить не может.

Наконец мы все расселись за столом, Дрюня открыл водку, я лечо, Лариска отвинтила крышку от фанты.

– Ну, за веру! – провозгласил вдруг Дрюня.

– Чего? – вытаращились мы на него.

– А как же? – поднял вверх палец Дрюня. – Вот что помогло бабе Клаве от лавки оторваться? Вера, конечно!

– Ох, балабол ты! – смеясь, покачала я головой.

– Давайте лучше выпьем за веру в то, что все будет хорошо, – вдруг тихо сказала Лариска, и на глазах ее я заметила слезы.

– Лора, – я тихонько сжала ее локоть. – Это ты из-за своего Игоря, да? Не стоит, точно тебе говорю. Я вот раньше тоже плакала, плакала, а что толку? Все равно Кирилл ушел, счастья нет, живу, как сиротинушка...

Я уже подперла голову, собираясь удариться в причитания на тему «ох, да за что ж мне долюшка такая!», но тут встрял Дрюня. Он уже выпил свою рюмку, ему явно было мало, и он очень не хотел, чтобы продолжению банкета помешал глупый бабий вой.

– Стоп, девки! – категорически заявил он. – Чего вы, в самом деле, взялись? Мужиков, что ли, нормальных вам мало? Просто вы не там ищите!

– Да где они, нормальные-то? – вздохнула Лариска.

– А вы оглянитесь получше! – гордо выпрямился Дрюня. – Может, он рядом ходит!

– На себя, что ли, намекаешь? – усмехнулась я. – Молчал бы уж лучше! От тебя Елена пятнадцатый год стонет!

– Леля, Леля, – проникновенно поглаживая мою руку, начал Дрюня вербальную атаку. – Ну при чем тут Елена? Не каждая женщина сможет рассмотреть истинного мужчину. Вот ты, например. Ты же в меня влюблена с детства, и все это знают!

– Что? – я аж подпрыгнула на стуле, чуть не расплескав водку. – Ты что несешь? Что люди подумают?

При этом я скосила взгляд на Лариску, но та только улыбалась.

– А что? Весь двор знает, что мы с тобой тайно любим друг друга, только ты чего-то все ломаешься! Как девочка, честное слово!

– Да отстань от меня, никогда я тебя не любила! И вообще, что человек подумает!

– А вот умный человек, Лелечка, может просто подумать, что ты фригидная женщина!

Такого оскорбления я уже не могла стерпеть и, поднявшись, статной походкой вышла из-за стола.

Выйдя на балкон, я задумалась. Ну почему я всегда покупаюсь на все эти Дрюнины штучки-дрючки? Ведь ясно же, что все это просто провокация с его стороны!

Неожиданно сзади я почувствовала чье-то дыхание.

– Оль, – Лариска обняла меня за плечи. – Ну что ты на этого дурака обижаешься? Ты думаешь, я всерьез восприму то, что он говорит? Да мне глубоко плевать! У меня ведь свои проблемы... Ох, если б ты знала, какие у меня проблемы.

– С Игорем? – спросила я, сразу же чувствуя, как во мне просыпается профессиональный психолог.

Лариска горестно кивнула.

– И вот пристал ведь, как не знаю кто! И прогнать не могу – не уходит. И мне личную жизнь не дает налаживать.

– А ты не хочешь продолжать с ним отношения? – осторожно спросила я.

– Господи, ну конечно же, нет! Какие с ним могут быть отношения, ты видела! Все нервы вымотал!

– А почему он так к тебе привязан?

– Любит, говорит.

– Понятно, значит, нужно просто ему помочь избавиться от созависимости. Я могу ему в этом помочь. Ты просто объясни ему, что не хочешь с ним жить, а я сниму созависимость.

– Да ты что? – горько усмехнулась Лариска. – Чтобы он обратился к психологу? Да он считает, что к ним только ненормальные ходят!

Я почувствовала обиду за представителей своей профессии.

– Это совсем не так, – горячо принялась я убеждать Ларису. – Это распространенный предрассудок. Хочешь, я сама поговорю с ним?

– Да не надо, – неуверенно ответила Лариска.

– Давай, Лор, я поговорю, – возник за спиной Дрюня.

Он принял еще как минимум три рюмки и был настроен очень воинственно.

– Ах, уйди отсюда! – прикрикнула я на него. – Тебя еще здесь не хватало! Не видишь, здесь женские разговоры!

– В женских разговорах мужчины понимают куда больше, душа моя, поверь мне! – ласково сказал Дрюня. – Нет, слушайте, давайте я поговорю. Объясню, мол, так и так, не хочет тебя баба – ну и хер ли? Да я тебе другую найду. Еще в сто раз лучше Лорки!

Я шлепнула Дрюню по руке.

– А чего? – обиделся Дрюня. – Подумаешь, я же еще и помочь хотел, а меня же еще и бьют. Не хотите, как хотите, давайте лучше выпьем. А то завели бодягу – слушать противно.

И Дрюня вернулся в кухню.

– Да он и сам сколько раз от меня уходил, – продолжила Лариса. – И понятно, что и он со мной жить не станет. Не женится, во всяком случае. А уж я и подавно за него не пойду. Просто натура у него такая – никому покоя не давать. Рано или поздно-то все равно расстанемся, только уж поскорее бы. Ты думаешь, он меня действительно любит? Ему удобно у меня деньги занимать без отдачи. А у меня откуда? На стипендию живу, у дяди стараюсь не брать.

– Значит, Дрюня прав – нужно найти другого.

– Если бы это было так просто. Ты вон много себе нашла?

Лариска попала по больному месту. После того, как я рассталась с Кириллом, бывшим мужем, я так и не смогла наладить свою личную жизнь. Несколько раз мы пытались восстановить отношения с Кириллом, но пока эти попытки успехом не увенчались.

Задумавшись о своей жизни, я все-таки всплакнула. Глядя на меня, всхлипнула и Лариска.

– Ну вы долго тут будете слезы точить? – недовольно заглянул к нам Дрюня. – Водка уже кончается!

– Что? – мы аж подскочили. – А ты и рад стараться, пока две женщины между собой проблемы обсуждают.

После этого мы уже вернулись в кухню все вместе и продолжили процесс. Через некоторое время настроение наше существенно улучшилось, нам уже не казалось, что жизнь наша беспросветно пропала, Дрюня тоже заметно приободрился и уже вслух развивал новую гениальную идею насчет того, как заработает кучу денег, палец о палец не ударив при этом.

Мне эти истории были слишком хорошо знакомы, поскольку в некоторых Дрюниных авантюрах мне доводилось даже принимать участие, и не могу сказать, что это были лучшие воспоминания в моей жизни. Поскольку козлом отпущения всегда почему-то выходила я, а предполагаемых денег ни Дрюня, ни я так и не получали.

Лариске же все это было в новинку – она не так давно переехала в наш район и еще плохо знала Дрюню. Но будучи девчонкой умной, она, конечно, улавливала подвох в его словах, но

Дрюня умел подать все так серьезно, что и у Лариски невольно возникала уверенность насчет перспективности Дрюниных идей.

Одним словом, время летело весело до тех пор, пока не кончилась водка. К слову сказать, ее и было-то не очень много.

Я встала и полезла по всем своим затаркам, но, как на грех, все мои НЗ были уже использованы. Я перерыла все что можно, хотя в душе знала, что никаких запасов у меня не осталось, потому что если б они остались, то все равно давно бы уже были использованы. Повод-то – он всегда находится, а в моей жизни почему-то особенно.

Дрюня ходил за мной по пятам и очень внимательно осматривал каждый тайник. Выражение лица его все мрачнело и мрачнело.

– Делать нечего, – наконец заявил он. – Так и придется из квартиры выходить.

– Иди, – милостиво разрешила я. – Кто тебя держит-то?

Дрюня с опаской выглянул в окно. Все бабки в полном составе восседали на лавочке и что-то бурно обсуждали. Больше всех усердствовала баба Клава. Отчаянно жестикулируя и тряся головой, она корчила рожи и что-то рассказывала своим соседкам.

«Казанова задрипанный!» – долетел до нас ее презрительный голос.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что речь идет о Дрюне. Мы с Лоркой просто покатались со смеху.

В этот момент баба Клава подняла голову к моему окну и погрозила кулаком. Дрюня тут же присел.

– Ну что? – насмешливо спросила я его. – Пойдешь за водкой?

– Да, пожалуй, я отдохну, – заявил Дрюня. – Что-то мне дурновато стало после такой жары.

– Послушайте, я вот что предлагаю, – сказала вдруг Лариска. – Через некоторое время они все разбегутся по домам, потому что «Санта-Барбара» начнется, тогда можно будет и сходить.

– Да, вот только у меня денег нет, – сразу же сказал Дрюня.

– Можно будет сходить ко мне, – предложила Лариска.

– Там у меня есть бутылочка коньяку, дяде можно сказать, что это для преподавателя института, чтобы он зачет поставил. Правда, дядя не очень одобряет подобные методы, он считает, что нужно добиваться знаний самому, но его можно убедить, что все преподаватели нынче хапуги, и без этого никак не обойдешься.

– Он у тебя, кажется, коммунист старый? – спросил Дрюня.

– Да. Он же бывший военный, как же иначе? В то время нельзя ему было не быть членом партии. Только думаю, что он все равно бы им стал. По убеждению.

– Да, прямо как мой батя, – вздохнул Дрюня. – Тебе поди тяжело с ним живется.

– Да нет, нормально все. Так-то он человек очень хороший. Раньше, правда, был очень суровый, я его даже побаивалась. Но теперь изменился, стал мягче. Его здорово подкосила эта история с Наташей...

Мне было известно, о чем речь. Год назад у Дружникова Николая Валентиновича – так звали Ларискиного дядю – погибла дочь. Она была на год моложе Лариски. Жена Николая Валентиновича умерла уже давно, и дочь была единственной радостью в его жизни. Правда, будучи человеком очень требовательным, он очень строго следил за девочкой. Можно сказать, что просто держал ее в ежовых рукавицах. Все подруги, друзья девочки тщательно отбирались папой. Какую читать литературу, какую слушать музыку – все это тоже решал Николай Валентинович. А уж о поклонниках и говорить не приходится. Девочка выросла тихой, скромной, без собственного «я».

И все в ее жизни было просто, понятно, пресно и скучно, как вдруг год назад случилась трагедия – Наташу неожиданно сбила машина. Почерневший от горя отец вытряс из водителя

всю душу, вымотал нервы следователям и судьям, но вердикт водителю был вынесен однозначный – невиновен. Наташа, по словам кучи свидетелей и проведенной экспертизы, сама вышла на проезжую часть в самый поток машин. Доказать, что это было самоубийство, тоже не смогли, и дело было закрыто как несчастный случай.

С тех пор Николай Валентинович и в самом деле сильно сдал. Он осунулся, похудел, в его фигуре исчезла присущая ему железная выправка, он стал горбиться и совсем перестал улыбаться.

И тут ему пришло письмо от сестры из Ершовска, которая очень просила Николая Валентиновича приютить ее дочь Ларису, которая хотела приехать в Тарасов поступать в институт. Николаю Валентиновичу в последнее время все было безразлично, а может быть, он подумал, что вдвоем с Лариской ему будет все-таки полегче, может быть, посчитал, что хоть в чем-то она ему заменит дочь – одним словом, он согласился, и Лариска Шаповалова с чемоданчиком переехала к нему. Тем более что жил он в отдельной огромной четырехкомнатной квартире, полученной в свое время за безупречную службу.

В институт она поступила сама, так как была очень неглупой девчонкой, уже перешла на второй курс, и отношения ее с дядей сложились как нельзя лучше. Они очень хорошо ладили, и Николай Валентинович любил свою племянницу и даже гордился ею. Единственное, что его не устраивало – так это ее отношения с Игорем, но если всех сомнительных кавалеров дочери он просто выставлял он, то что касается поклонника племянницы, тут почему-то не решался высказывать резко свое мнение.

– Не наезжает на тебя дядя-то насчет Игоря? – вспомнив об этом, спросила я у Лариски.

– Нет, – покачала она головой. – Наташку бы уже сгноил давно за такого кавалера, а мне ничего не говорит. Словно даже... боится.

– Боится? – удивилась я. – Чего же ему бояться?

– Не знаю, сама удивляюсь.

– Ларис, а ты не в курсе, что там за слухи ходили насчет истории с Наташиной смертью?

Ну, будто бы она сама с собой покончила?

– Не знаю. Я же в то время в Ершовске была. Ты лучше меня должна знать.

– Ну я-то откуда! Это же дело семейное.

– Нет, меня в такие подробности не посвящали. Видимо, психику берегли. Но сдается мне, что что-то там нечисто.

– В каком смысле? – встрепелась я.

Лариса не успела ответить – о своем существовании и присутствии на территории моей квартиры заявил Дрюня Мурашов.

– Ну чо? – довольно подмигнув нам, сказал он. – Бабки все по домам растусовались, можно идти.

– Андрюш, – Лариска просительно посмотрела на Дрюню, – чтобы дядя не подумал, что я прогуливаю, может, ты сходишь? Скажешь, мол, встретил Ларису возле института, она там сидит, не может экзамен сдать, очень просила бутылку передать. А я записку напишу, чтобы он поверил.

– Ну давай, – почесав за ухом, ответил Дрюня.

Лариска полезла в сумку.

– Вот черт! – вздохнула она.

– Что такое? – встревожился Дрюня.

– Ручку дома забыла, писать нечем.

– Ручку? – Дрюня никак не мог допустить, чтобы отсутствие какой-то ничтожной ручки помешало ему получить вожаемую бутылку.

Дрюня быстро вывернул собственные карманы. Из них была извлечена целая куча абсолютно бесполезных вещей – просто непонятно, для чего Дрюня таскает ее с собой! – но вот ручки среди этих вещей не было.

– Лелька, у тебя ручка есть? – повернулся ко мне Дрюня.

Ручка-то у меня, безусловно, есть – она наверняка в любом доме имеется, хотя бы одна, – но вот только знать бы, где она... В моем доме так трудно что-либо найти. А все дети! Вечно спрячут самую нужную вещь куда-то в самый неподходящий момент!

И в кого они такие? Вот у всех дети как дети, а у меня...

Я перетрясла все детские игрушки, но и в них ручки не оказалось. Тогда я вспомнила, что где-то у них были цветные карандаши и фломастеры, но и они почему-то не нашлись. Наверное, Артур утащил их с собой к бабушке. Ну вот зачем, спрашивается, они ему там нужны? А матери теперь записку написать нечем.

Наконец Дрюня, действовавший наиболее рьяно из всех троих, обнаружил под ванной огрызок химического карандаша, неизвестно как и когда туда попавшего.

– Есть!!! – заорал он так, словно нашел клад. – Нашел.

– Чего орешь-то? – одернула я его. – Ларис, устроит?

– Да вполне, – согласилась Лариска, беря карандаш.

Она быстро написала на выдернутом из тетрадки листочке несколько слов и передала его Дрюне. Тот скомкал листок, сунул его в карман и направился в прихожую.

Мы с Лариской остались одни. Я заметила, что то ли под влиянием водки, то ли после разговора о делах семейных в ее глазах появилась какая-то расслабленность и доверительность. Ей явно хотелось поговорить откровенно.

– Ты знаешь, – наклоняясь ко мне поближе, сказала она. – Ведь я недавно познакомилась с другим парнем. Сергеем зовут. Очень хороший, не чета Игорю.

– Ну так это же здорово! – воскликнула я. – Вот и встречайся с ним!

– Не могу. Игорь же мне прохода не дает. Зачем ему меня терять? У кого он деньги стрелять будет?

– Ох, зачем ты сама его приучила давать ему деньги? – вздохнула я. – Вроде умная девка...

– Оля, кто я была год назад? Дурочка деревенская! Думала, что мы поженимся, а если человек нуждается, то почему бы ему не помочь? Это уж потом я поняла, что от такого муженька бежать надо без оглядки. Да и он насчет женитьбы настроен однозначно против. Сам мне сто раз говорил, как выпьет – на кой черт ты мне нужна?

– Ну попробуй поговорить со своим новым парнем, пусть он эту проблему разрулит. Навешает разок этому Игорю, он и отстанет от тебя.

– Что ты! – испугалась Лариска. – Так опозориться в его глазах! За кого он меня примет? Как увидит это пугало, скажет – и она с ним встречалась?

– Как же вы с ним видите?

– Редко. И всегда стараемся уехать подальше от дома – это я прошу, чтобы с Игорем не столкнуться. А когда возвращаемся, прошу машину за квартал остановить, будто бы у меня дядя строгий и запрещает с мужчинами на машинах ездить.

– Бред какой-то! – воскликнула я.

– Бред, конечно, – уныло подтвердила Лариска. – А куда денешься?

«Нет, – подумала я. – Так она и осталась обычной деревенской простушкой. Кто же так решает проблемы? Все ее хитрости белыми нитками шиты. И как она думает, сколько это будет продолжаться?»

– Ну сколько же это будет продолжаться? – недовольно спросила Лариска.

– Пока ты сама не захочешь изменить свою жизнь, – спокойно ответила я.

– Да я не об этом, – отмахнулась Лариска. – Я спрашиваю, сколько еще нам Дрюню ждать?

Тут уже и я забеспокоилась. Не за Дрюню, конечно. С ним-то что может случиться?

А беспокоилась я о бутылке коньяку, которая, доверенная Дрюне, вполне могла уйти в сторону. Где, например, гарантия, что Дрюня, получив бутылку, не встретил по дороге своего «самого лучшего друга, которого не видел тысячу лет» – а друзей таких у него предостаточно, им любой алкоголик может стать в три секунды – не решил сменить компанию и не распить бутылочку в другом месте?

И в этот момент мы услышали доносящиеся со двора шум, крики и вой сирен. Как по команде мы кинулись к окну. Картина, представшая нашим глазам, была впечатляющей.

Из подъезда Ларискиного дома выводили Дрюню, закованного в наручники. Весь двор был забит милицескими машинами и машинами скорой помощи.

Бабки, позабыв про «Санта-Барбару» и все сериалы на свете, высыпали на улицу.

Дрюня шел, растеряннo крутя головой. Никакой бутылки у него в руках не было.

Бабки с ужасом смотрели на него, а я, несмотря на близорукость, заметила на рукаве Дрюниной рубашки кровь.

Бабкам было на что посмотреть. Никогда особенно не питавшие к Дрюне нежных чувств теперь они просто отрывались. Баба Клава, переодевшаяся в другое платье, была просто в экстазе.

– Я же говорила тебе, паразиту, что добром твои дела не кончатся! – визгливо прокричала она, поднимая вверх указательный палец. – Бог-то он все видит! Будешь знать, как над старухами издеваться, ирод проклятый.

– Вот, вот, – поджимая губы, говорила маленькая, сухонькая старушка. – Водочка – она еще никого до добра не доводила! Посиди теперь в тюрьме, голубчик, может, одумаешься!

Господи, да что же это такое творится? Неужели теперь человека сажают в тюрьму за то, что он немного выпил? Что это за абсурд?

В голове моей завертелась карусель с лошадами, и я беспомощно уставилась на Лариску. Ее взгляд ничем не отличался от моего.

В этот момент Дрюня поднял голову к моему окну и как-то отчаянно крикнул:

– Леля!

– Дрюня! – взвизгнули мы одновременно с Лоркой и кинулись к двери, с трудом попадая в шлепанцы, вылетая на лестницу и грохоча вниз, забыв о существовании лифта.

Когда мы, раскрасневшиеся, растрепанные, появились во дворе, Дрюню уже запихивали в УАЗик.

– Что случилось? – на бегу спросила я неизвестно у кого.

– Вот так вот, – презрительно глядя на меня, сказала баба Клава. – Нашла с кем дружбу водить! Скажи спасибо, что он тебя по пьянке не прирезал! Господи, Господи, что делается! Вот получишь теперь от сестры-то! Она-то у тебя не такая непутевая. И эта туда же, – неодобрительно посмотрела она на Лариску. – Молодая, а туда же! Нашла себе компанию. С убийцей связались!

При последних словах меня словно током прошило, а Лариска побелела сильнее школьного мела.

В этот момент распахнулась дверь подъезда, и врачи вынесли носилки. На них лежало тело, накрытое простыней. Сквозь простыню просочилась кровь.

– Да вы объясните в конце концов, что произошло! – отмахиваясь от бабы Клавы и вцепившись в одного из милиционеров, лениво влезавшего в УАЗик, завопила я. – Что случилось?

– Дядя! – вдруг взвизгнула Лариска, кидаясь к носилкам.

– Куда, девушка? – перегородил ей дорогу врач.

– Пустите, пустите меня, это мой дядя! – в отчаянии рвалась к носилкам Лариска.

– Ему уже ничем не поможешь, девушка, – покачал головой врач.

– Куда его... Куда его теперь?

– Ясное дело куда, в морг! – пожал плечами врач и крикнул:

– Заноси!

Носилки погрузили в санитарную машину.

– А вы сами ему кто будете? – обратился к Лариске один из милиционеров.

– Племянница она его! – тут же сунулась баба Клава, которую никто не спрашивал. – Подружка этого, убил который! – она кивнула в сторону машины, куда поместили Дрюню.

Лариска с побелевшими губами машинально повернулась туда же.

– Лора, это не я! – в отчаянье прокричал Дрюня, за что сразу же получил дубинкой.

Я ахнула и кинулась к машине.

– А вы куда? – встрял передо мной милиционер. – Эта девушка племянница убитого, она поедет с нами, чтобы ответить на несколько вопросов. А вы куда?

– Но я же... Я же знаю, что Дрюня не виноват... – пролепетала я. – Мы же были вместе...

– Ах вот как! – обрадованно заявил тот, поняв мою фразу по-своему. – тогда прошу вас, пройдемте.

Нас с Лариской посадили рядом на боковом сиденье. Мы сидели и не смотрели друг на друга. О чем думала Лариска, я не знаю, а мои мысли крутились вокруг убийства Николая Валентиновича Дружникова и причастия к этому Дрюни.

Да нет, это абсолютно ясно, что Дрюня не мог его убить! Какой из Дрюни убийца? Да и зачем? Не из-за того же, что покойный отказался выдать Дрюне бутылку? Ведь это же просто абсурд!

Да, но как я буду объяснять это в милиции? Какие аргументы приведу? Что я знаю Дрюню с детства, что он, конечно, шалопай редкостный, но что он и мухи не обидит? Так меня и послушали.

И чего я напросилась в свидетели? Черт дернул за язык сказать, что мы были вместе... Сейчас сидела бы спокойно дома, все обдумала, была бы вообще не при делах, потом меня бы вызвали, задали бы пару вопросиков, я бы все честно рассказала, и меня бы отпустили, а тут... Что, охота быть свидетельницей?

А если...

В душе моей поднялся противный липкий холодок. Что, если меня примут не за свидетельницу, а за сообщницу? Мало ли что им там, ментам, в голову может взбрести!

И главное, сама хорошо! Нашла, что ляпнуть! Дура, эх и дура! Нет, Полина определенно права в одном – я безнадежная дура и меня исправит только могила. Куда я, видимо, и попаду за соучастие в преступлении, которого не совершала...

Я уже представила себя в камере смертников, уже представила леденящий ужас, скрывающий все члены в ожидании смертной казни, представила, как...

Стоп!

Чего я несу? Какая смертная казнь? Во-первых, у нас в стране на нее мораторий, и это даже каждому ребенку известно. Во-вторых, с чего бы это меня должны посадить? Я ничего не сделала!

Так что хватит о глупостях думать – и так уже наделала их столько, что не расхлебашь. И в могилу я попаду только в одном случае – если меня собственноручно убьет Полина, как и обещала баба Клава.

Полина...

Ведь вот о ком я должна была вспомнить в первую очередь! Ведь сколько бы ни ругала, ни мучила меня сестра, а ведь ни разу еще не оставляла в беде! И именно к ней мне нужно кидаться за помощью. Только вот как теперь до нее добраться? Была бы я дома, достаточно было бы просто позвонить, а тут... Идиотка, все пути сама себе отрезала к спасению!

В связи с воспоминанием о сестре в голове моей возник образ еще одного милого и прекрасного человека, которого я в данный момент просто обожала – майора Георгия Овсянникова, или просто Жоры, бывшего Полининого мужа.

Может быть, до него добраться мне будет легче, чем до сестры? Вот когда меня привезут на месте, я сразу же и заявлю, что это мой ближайший родственник, и будьте любезны, вызовите его немедленно. Ради собственного спасения можно немного и душой покривить – это я насчет ближайшего родственника.

Эти более-менее конструктивные мысли, вытеснившие бред насчет камеры смертников, слегка успокоили меня, и я уже не тряслась так сильно, сидя рядом с Лариской.

Когда нас привезли в отделение, то сразу разлучили. Я не знаю, к кому отправили Лариску, но мне достался какой-то противный, очень лощеный следователь, довольно молодой, который только и делал, что поправлял свою шевелюру, которая и так была у него прилизана волосок к волоску.

Он представился капитаном Валерьяновым Олегом Николаевичем и с первых же секунд общения вызвал у меня отвращение.

– Ну-с, – с противной ухмылочкой начал он, и почему-то именно это его «ну-с» взбесило меня больше всего. – Так вы утверждали, что были вместе с Мурашовым Андреем Геннадьевичем в момент совершения преступления?

– Ничего подобного я не утверждала, – сухо ответила я. – Я имела в виду то, что мы были вместе до этого... инцидента, и могу утверждать, что никаких предпосылок для совершения преступления у Мурашова не было. Он должен был всего лишь взять у Дружникова бутылку коньяку. И вообще, мне непонятно, на каком основании меня здесь держат! Я что, преступница? В момент, когда это случилось, я находилась в собственной квартире вместе с Ларисой Шаповаловой, и она может это подтвердить!

– Так-так-так, – потер руки следователь. – Отлично! А откуда вам известно, в какое именно время было совершено преступление?

Тут я откровенно изумленным взглядом уставилась на него.

– Вы что же, думаете, что я совсем глупа? – холодно усмехнулась я, и мне это понравилось. Видела бы меня сейчас Полина, обязательно гордилась бы тем, как я себя веду. Вот так и надо – уверенно, холодно, строго. – Пока мы сидели в квартире, все было спокойно. Стоило только Дрюне пойти к Дружниковым, как его арестовали. Значит, где-то в это время все это и случилось.

– Г-м-м, – неопределенно ответил следователь Валерьянов и потер лоб.

– Так на каком основании меня здесь держат? – снова повысила я голос.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, всего лишь как свидетельницу. Вы же сами выразили желание поехать с нами.

Тут мне крыть было нечем, действительно, сама напросилась, чего уж там. Видно, не всегда мой природный ум мне подсказывает верные решения!

– А теперь ответьте на такой вопрос, – прищурившись, продолжил Валерьянов. – Вот вы знаете Мурашова с детства. Скажите, он всегда любил выпить?

– Не больше, чем другие, – твердо ответила я, и это была правда – я знаю многих людей, которые любят выпить гораздо больше, чем Дрюня.

– А вот соседки утверждают...

– Соседки могут говорить все, что им угодно, – твердо сказала я. – Да, они терпеть не могут Андрея за его шутки, но их мнение нельзя считать объективным.

– Хорошо, хорошо, а как вы сами можете охарактеризовать Мурашова? Ведь вы хорошо его знаете?

– Да. И могу сказать, что это прекрасный человек! Он очень добрый, отзывчивый, честный, порядочный, а уж какой талантливый! Вы просто представить себе не можете! Представ-

ляете, он никогда не учился ни в каком музыкальном заведении, а может сыграть на любом инструменте! И стихи пишет, и песни, и вообще!

У меня аж глаза разгорелись, пока я распевала дифирамбы Дрюне. Вот бы уж он, наверное, удивился бы, услышав, что это все о нем. Только ведь он не услышит. Обидно... Зря стараюсь.

Хотя почему это зря? Это же не на Дрюню рассчитано, а вот на этого прилизанного смазливового следователя?

Надо признаться, что мои лестные эпитеты в адрес Дрюни были, конечно, несколько преувеличены, если не сказать больше. Но кого это волнует, когда речь идет о спасении человека?

– Да что вы вообще о нем знаете! – продолжала трещать я. – Он любой голос может подделать, ну прямо вот любого артиста или политического деятеля! ни за что не отличите! И за Ельцина вам так скажет, что вы животы надорвете! А танцует как! Хоть полонез, хоть вальс, хоть хабанеру, хоть яблочко, хоть там хава-нагилу! Один раз на перекладине тоненькой исполнил на спор ламбаду, так все аж рты пораскрывали!

Я вся покраснелась, расписывая Дрюнины таланты, которые, если рассуждать здраво, мало могли ему помочь избежать наказания за совершение убийства. Но во тот момент я не рассуждала здраво. Я перестала быть строгой и надменной дамой, холодно и четко отвечающей на вопросы следователя – не моя роль, – и снова превратилась в Ольгу Снегиреву, безалаберную, непосредственную, может быть, не очень разумную, но искреннюю и всегда пытающуюся прийти на помощь друзьям.

Мне вдруг стало так жалко Дрюню и обидно за него, что у меня даже выкатились слезы.

– Он... Такой... – задыхаясь, кричала я, – вы вот можете станцевать ламбаду? Держу пари, что нет, а вот он может! И такого человека в тюрьму сажать? Э-эх! – я горестно махнула рукой и уронила голову за грудь, скорбно раскачиваясь из стороны в сторону.

Следователь уже начал с опаской поглядывать на меня, подозревая, видимо, что я сейчас начну причитать, но меня уже ничего не могло остановить. Пусть принимает меня за дуру, мне все равно, лишь бы выпустил отсюда!

К черту причитания!

Щеки мои разругались, и я вдруг резко скинула со стола следователя его ценные бумаги, а сама вскочила на стол, лихо вскидывая ноги и пытаюсь показать, как Дрюня танцевал на перекладине ламбаду.

Танцовщицы из меня, прямо скажем, не вышло, но старалась я изо всех сил. Бывают минуты, когда с меня слетает все природное стеснение, и тогда меня остановить трудно.

– Вот так он плясал, вот так!

Я трясла юбкой, гнулась в талии, пошло виляла бедрами и продолжала взбрасывать ноги. Это была какая-то чудовищная смесь между канканом, выделяванием пьяной проститутки и гимнастическими упражнениями.

Перепуганный следователь вскочил со стула, пытаясь унять меня. Лицо его пошло красными пятнами, прилизанные волосы вздыбились.

– Прекратите немедленно! – кричал он. – Вы сумасшедшая! Я позову охрану и упеку вас на пятнадцать суток за хулиганство!

Он уже пошел к двери, пытаясь вызвать охранника, но тут я слишком лихо топнула ногой, хлипкие ножки стола не выдержали и подломились. Я полетела на пол, ломая по пути каблук и сметая со стола остатки бумаг.

Очутившись на полу и держась за ушибленную голову, я гордо заявила:

– Вот так! А теперь позвоните старшему следователю УВД Тарасова майору Георгию Овсянникову! Это мой ближайший родственник!

– Демидов! – простонал Валерьянов.

В двери сразу же показалась толстая красная рожа охранника.

– Слушаю, Олег Николаевич! – пробасил он.

– Немедленно уведите отсюда эту сумасшедшую! В карцер ее! За хулиганство! Потом разберемся, кто она такая!

– Слушаюсь! – козырнул Демидов и, подтолкнув меня в спину, повел к двери.

– Майор Овсянников всем вам покажет, – пообещала я на прощание, оборачиваясь.

– Гриша, надень на нее наручники, – ползая по полу и собирая свои документы, приказал Валерьянов.

Ну вот, допрыгалась. Доплясалась.

Демидов молча достал наручники.

– Руки! – хмуро потребовал он от меня.

– Чего? – прикинулась я душой, хотя дальше уже прикидываться было некуда.

– Руки давай, – повторил он, потрясая этими кандалами.

– А может, не надо? – робко спросила я. – Я больше не буду. Я... Я вообще тихая.

– Тихая! – прошипел следователь, вылезая из-под разломанного стола. – Полкабинета разнесла! Охрану к ней строжайшую!

С меня быстро слетал весь налет бесстрашия и наглости. Я становилась маленькой, тихой, скромной, пугливой Ольгой.

Покорно протянув руки, на которых Демидов сразу же защелкнул наручники, я, спотыкаясь, пошла за ним по коридору.

Демидов провел меня в какой-то подвал и, отперев дверь, втолкнул внутрь. Дверь захлопнулась, и я осталась в кромешной тишине.

Это было кошмарное помещение, в нем невозможно было толком ни сесть, ни лечь, ни тем более встать. Я как-то неловко притулилась в углу, подперев кулаком свою непутевую голову, и задумалась о дальнейших перспективах.

Господи, что я наделала! Для чего устроила этот идиотский концерт? Ладно еще, если бы это могло помочь Дрюне, а то и его идиотом выставила, и себя... Даже говорить не хочется, кем.

Нет бы чтобы спокойно поговорить со следователем, объяснить все и по-хорошему попросить позвонить майору Овсянникову – Ольга, ты же психолог! Вместе этого так все испортить... Вот как теперь звонить Жоре? Как сообщить о своих проблемах Полине? Ведь она даже ничего не знает!

Весь хмель давно вылетел из моей головы после столь ужасающих событий, и теперь мне здорово хотелось есть. К тому же в этом подвале было сыро и холодно. А если я заработаю здесь пневмонию? Они что, совсем об этом не думают? Ведь это насилие над личностью! А у меня двое детей! Они что здесь, вообще не кормят?

Перспектива умереть с голоду не прибавила мне оптимизма, и я уныло привалилась к стене, продолжая рисовать в голове свои дальнейшие злоключения и мытарства. Эти мысли, как ни странно, убаюкали меня, и я уснула.

Не знаю, сколько я проспала – даже и не проспала, а просто так, продремала, провалившись в забытие, – как вдруг почувствовала, что мне в щеку ткнулось что-то жесткое, холодное и мокрое. От неожиданности я аж подскочила и, разлепив глаза, придвинула поближе к глазам очки, чтобы рассмотреть, что это такое.

Боже мой!!!

Крыса!!!

Огромная, жирная тварь стояла возле меня и совершенно наглым образом обнюхивала!

Подскочив на месте, я закружилась по карцеру, дико крича и молотя руками во все стены. Танец, устроенный мной в кабинете следователя, была всего лишь чинным менуэтом в сравнении с тем, что я изобразила сейчас.

Я даже не услышала, как повернулся ключ в замке, только глуховатый голос Демидова прорвался в мои уши.

– Ну и чего ты орешь? Правда, что ли, ненормальная?

– Вон, в-вон... Ви-видите? – заикаясь от страха, указала я на крысу.

– Ну и что? – с возмущительным равнодушием пожал он плечами. – Обыкновенная крыса!

Их тут знаешь, сколько?

– Ничего себе! – расплакалась я. – Ведь она же меня загрызть могла!

– Ну щас прям, загрызть, – хмыкнул он. – Что это тебе, тигр, что ли?

– Вы необразованный человек! – гордо произнесла я. – Я читала массу статей о том, как крысы загрызали насмерть маленьких детей!

– Ну ты-то не маленькая, – резонно возразил он.

– Это еще как посмотреть! Я, между прочим, очень хрупкая и не могу за себя постоять!

Тем более перед крысой!

– Знаем, какая ты хрупкая, – усмехнулся он. – Вон какой погром у Валерьяныча устроила. До сих пор корвалолом отпивается.

Мысль о том, что у противного Олега Николаевича проблемы, несколько согрела мое сердце, но все равно мне было страшно и не хотелось здесь оставаться.

Так я и заявила Демидову, совершенно не надеясь на успех.

– Ладно, не ори! – неожиданно мягко сказал он. – Там вон пришли к тебе.

– Ко мне? – я удивилась. Валерьянов, что ли? Век бы его не видеть! К тому же после того, что я устроила в его кабинете, мне было даже стыдно смотреть ему в глаза.

– Пойдем, там увидишь, – снял с меня наручники Демидов и, с опаской заглядывая в глаза, спросил:

– Ничего не учудишь?

Я клятвенно пообещала вести себя аки кроткий агнец, и Демидов наконец-то вывел меня из карцера.

Он провел меня наверх и завел в какую-то комнату. Первое лицо, которое я там увидела, было моим собственным. Сначала мне показалось, что я сошла с ума, но потом...

– Полина... – пролепетала я, и затем, уже всхлипывая навзрыд, повторила:

– Полина, Полинushка! – и кинулась к сестре, повиснув у нее на шее.

Полина, однако, была отнюдь не настроена проявлять родственные чувства. И с чего бы это?

Тут только я заметила за ее спиной Жору Овсянникова в форме, и мне стало легче. Правда, Жорин взгляд особой теплотой тоже не отличался, но это было уже неважно. Главное, что я теперь не одна.

– Жорочка, Полечка, как вы узнали, где я?

– Оля, пойдем-ка в кабинет, и ты мне все расскажешь, – спокойно сказал Жора.

– Георгий Михайлович, она мне весь кабинет разрушила, стол сломала, – злорадно наобедничал вынырнувший из-за плеча Жоры следователь Валерьянов.

– Об этом потом, – отмахнулся Жора и повел меня в кабинет. Полина молча двинулась за нами.

В кабинете, усадив меня за стол, Жора сел напротив и в течение часа слушал всю историю с самого начала, которую я рассказывала путано, сбивчиво, перескакивая с места на место, и прерывая свое повествование то прочувствованными рыданиями и клятвами в вечной любви Жоре и Полине, то посылая проклятия следователю Валерьянову, Демидову, Дружникову, бабе Клаве и даже Дрюне Мурашову, черт бы его побрал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.